

18+

Русские напитки в русской культуре

АЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ

АЛЕКСЕЙ
МИТРОФАНОВ

Алексей Митрофанов

**Алкобольные напитки. Русские
напитки в русской культуре**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Алкобольные напитки. Русские напитки в русской культуре /
А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605181-2

Почему Александр Куприн называл водку «быстрым напитком»? Чем Маяковский закусывал рислинг? Чем портерные отличались от биргалок? Как назывался русский пунш? Эта книга — продолжение серии «Русские напитки в русской культуре». Уже вышли книги «Холодные напитки» и «Горячие напитки». Готовится следующая серия — «Русская еда в русской культуре».

ISBN 978-5-00-605181-2

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Водка	6
Появление водки	7
«Кувыркались через зад и голову»	8
Достоевский, Каракозов и другие	9
Вездесущий напиток	10
Твердая валюта	11
Склад, который не склад	12
«Водку пьет как гусар»	14
Водка и артистизм	15
Закуска градус крадет	16
Смирнов и Шустов	17
Ради водки готовы на все	19
Сухой закон	20
При новой власти	21
Непростая история «Столичной» водки	22
Как лечили бегемота	23
Что такое бутылка	24
История граненого стакана	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алкогольные напитки Русские напитки в русской культуре

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2023

ISBN 978-5-0060-5181-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему Александр Куприн называл водку «быстрым напитком»? Чем Маяковский заку-
сывал рислинг? Чем портерные отличались от биргалок? Как назывался русский пунш?

Эта книга – продолжение серии «Русские напитки в русской культуре». Уже вышли книги
«Холодные напитки» и «Горячие напитки». Готовится следующая серия – «Русская еда в рус-
ской культуре».

Водка

Философ Василий Васильевич Розанов писал: «Рюмка водки за обедом... Смирновской, мягкой, как нигде в Европе не выделяется... Да, водка у нас лучшая в Европе».

Появление водки

Поначалу в России употребляли слабоалкогольные напитки естественного брожения – мед, пиво и брагу. А в 1386 году генуэзское посольство подарило московскому князю Дмитрию Донскому некое количество аквавита – виноградного спирта. Правда, россияне к аквавиту были равнодушны – его использовали только в качестве лекарства.

А в 1430 году в Москве, в Чудовом монастыре монах Исидор приготовил водку на хлебном спирте. И она вдруг пришлась ко двору.

Этот год и считается датой рождения нашего традиционного напитка – русской водки, она же хлебное вино.

(Тут заметим в скобках, что на самом деле хлебное вино и водка – с химической и технологической точки зрения – не совсем одно и то же. Но мы сейчас не станем обсуждать эту проблему. Оставим ее на съедение специалистам.)

«Кувыркались через зад и голову»

Водка сразу же сделалась популярным напитком. Притом она выгодно выделялась из ряда крепкого европейского алкоголя. Виски, кальвадос и прочее получали путем перегонки сырья до крепости порядка 40% об. Для приготовления же водки выгоняли крепкий спирт, который затем разбавляли водой. Поэтому содержание вредных примесей в водке было сведено к минимуму. А, значит, водка только веселила, повышала настроение, пробуждала фантазию, но редко действовала угнетающе. И практически не давала похмелья.

Собственно, как раз в этом – в отвратимости наказания – многие исследователи склонны видеть причину пресловутого русского пьянства. Отсутствие похмелья действовало поощрительно.

Яков Рейтенфельс, курляндский дипломат, писал в XVII столетии, что в России при «скудном питании они жадно, как никто другой, пьют водку, считая ее нектаром, средством для согревания и лекарством от всех болезней».

Не понимал иноземец, что водка для русского – много больше, чем просто напиток, лекарство и топливо.

А вот впечатления голландского художника и путешественника Корнелия де Бруина, 1701 год: «Русские не заинтересованы в завозе иностранной водки, поскольку в этой стране гонится своя водка из хлеба, которая очень хороша, и цены на нее умеренные. Иностранцы, кроме русской водки, не пьют никакой другой».

Отношения между россиянами и водкой – излюбленная тема для заезжих иностранцев. Многие их удивляло. Кунрад фан-Кленк, нидерландский посол, в 1675 году встал на архангелогородском рейде, а потом рассказывал историю, которая с ним приключилась: «Русские на своей лодке вместе с нашей шлюпкою отправились к нашему судну, пришли на борт и даже, по желанию его превосходительства посла, введены были в каюту, где они говорили с его превосходительством, который их угостил свежеиспеченным пшеничным хлебом, сухарями, вином и водкою. Они получили от капитана немного денег, а мы от них приобрели четыре больших прекрасных трески и несколько камбал чрезвычайной величины...»

Эти люди, когда им поднесли чарку водки, делали странные гримасы, наклоня голову и тело и много раз кладя на себя крест. Нам это было очень чудно смотреть... После угощения, придя в свое суденышко, русские много шумели и кувыркались, точно шары, через зад и голову».

Водкой охотно баловались и дворяне, и простолюдины, и даже животные. В царских зверинцах «экспонатам» выдавали водку – для поддержания здоровья в непривычном климате.

Водка прочно вошла в русский быт.

Достоевский, Каракозов и другие

Герой романа Достоевского «Подросток» выходил на каждой станции из поезда пить водку. И быстро заразил этим одного из своих попутчиков. Этот попутчик говорил при каждой остановке поезда: «Теперь пора водку пить».

И оба выходили, обнявшись.

А Дмитрий Каракозов признавался после неудачного покушения на Александра Второго: «День и ночь, предшествовавшие совершению преступления, я провел в Знаменской гостинице и оттуда отлучался только для того, чтобы выпить водки. Водка была в этом случае средством отвлечь свои мысли от мыслей о смерти».

Вероятно, в этом и была причина неудачи покушения. В глазах двоилось после суточного пьянства, вот и промахнулся.

Водка вошла в неофициальный гимн студентов столичного Императорского Училища правоведения:

*Чижик-пыжик, где ты был? —
На Фонтанке водку пил.
Выпил рюмку, выпил две,
Закружилось в голове.*

*Стали чижику ловить,
Чтобы в клетку посадить.
Чу, чу, чу, чу,
А я в клетку не хочу.*

*Едет чижик в лодочке
В адмиральском чине.
Не выпить ли водочки
По такой причине?*

Чижик-пыжик – потому что у студентов были желто-зеленые, как оперение чижа, форменные шинели и пыжиковые шапки. Фонтанка – потому что там располагалось и само училище, и трактир купца Нефедова, в котором эти самые студенты отдыхали от зубрежки законов. Ну а водка комментариев не требует.

Вездесущий напиток

Водка была всюду. Сейчас в это трудно поверить, но только в 1825 году стараниями Общества попечительства о тюрьмах запретили передавать водку заключенным в камеры. До этого они спокойно выпивали.

Водка являлась превосходным драматургом, порождала массу удивительных сюжетов. Взять, к примеру, Александра Крынкина, брата владельца знаменитого Крынкинского ресторана. Выпив рюмку водки с новыми знакомыми, он пояснял:

«Я до пятидесяти лет этой радости не восчувствовал. Папенька с маменькой так воспитали – ни рюмки вина, ни понюшки табаку. Теперь, бывает, огорчаюсь: сколько веселья-то пропущено».

А Александр Куприн называл водку «быстрым напитком». В отличие, к примеру, от вина. Смысл, в общем, понятен – от нее опьянение наступает быстрее.

Существовала, правда, и другая версия – водка всегда быстро заканчивается.

Возникла даже такая фамилия – Петров-Водкин. Одним из представителей этого рода был художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, автор известной картины «Купание красного коня».

Эту фамилию носили с гордостью.

Именно «на водку» или же «на чай» давали за хорошее обслуживание. Официанту – «на чай», а извозчику и другим представителям «грубых» профессий – «на водку».

Других вариантов в принципе не было. разве что кафешантанным певичкам давали «на ноты».

Твердая валюта

Водка была устойчивой валютой. Владелец подмосковного дачного поселка Томилино, Клавдий Николаевич Томилин до появления одноименной станции договорился с машинами, что они будут в этом месте тормозить. Цена вопроса – ведро водки.

И никакой прогресс не мог тут ничего поделать. В Самаре первым автомобилистом стал тамошний богач и меценат Константин Павлович Головкин. Это случилось в 1904 году и стало событием городского масштаба. Когда «Опель» Головкина вытащили из железнодорожного вагона, на привокзальной площади сразу же собралась толпа. Всех интересовало лишь одно – поедет или не поедет. Автомобиль ехать не желал. Головкин утомился крутить заводную ручку и посулил четверть (3,075 литра) водки тому, кто справится с необычным механизмом. Вызвались два силача-грузчика и, объединив свои усилия, все-таки завели новенький «Опель». После чего под общий свист и хохот господин Головкин направился домой в своем автомобиле.

А популярная фраза «злачное место» происходит от слова «злак». Водку же делают из злаков. То есть – «водочное место».

В ресторанах и трактирах водка, разумеется, играла первую скрипку. В уважаемых заведениях можно было выпить у буфета рюмку водки, при этом закуска полагалась бесплатно. Некоторые небогатые посетители выпивали рюмки три, а наедались на весь день.

Бутерброды с икрой, сыр, колбасы, грибы – закуска была неплохая.

В дореволюционной России многие рестораны предлагали комплексные завтраки. В этот комплекс нередко входил графин водки.

Газета же «Русское слово» писала в 1910 году: «1-го августа в Зоологическом саду, во время борьбы, кто-то из публики принес для подношения одному из борцов четверть ведра водки. К бутылке прикреплен был букет вялых цветов и карточка с надписью «Потомственному почетному алкоголику».

Директор сада не позволил передать этот подарок».

Кстати, существовала официальная мера объема – водочная бутылка, емкость в 0,615 литра, то есть, одна двадцатая ведра. А упоминавшаяся выше четверть – соответственно, четверть ведра.

Склад, который не склад

В 1896 году на водку ввели государственную монополию. По всей стране начали открываться казенные винные склады, а, по сути, заводы по производству любимого напитка россиян.

«Производство склада» – привычная фраза для этого времени.

Казенные водки разнообразием не отличались. В частности, «Московский казенный винный склад №1», будущий завод «Кристалл» открывшийся в 1901 году в Лефортове, выпускал всего три сорта – «Простая», «Улучшенная» и «Боярская». Последняя – самая качественная, а потому и самая дорогая. К 1914 году ассортимент расширился – появились «Московская особая» (существует и сегодня под названием «Московская особая»), «Хлебное вино», «Столовое вино», «Горилка» и «Запеканка» (настойка на лимонных корках, хлебе и специях).

Зато вода – разбавлять спирт – была чистейшая. Для ее добычи специально пробурили глубокую артезианскую скважину. Да и спирт тоже был высочайшего качества.

Первоначальная мощность этого завода – 2100 тысяч ведер вина (то есть водки) в год. В нынешних единицах измерения – около 2,6 миллионов декалитров. Первое время там трудилось около 1500 человек. Предприятие уже изначально было достаточно крупным.

А осенью того же 1914 года завод был закрыт – в связи с началом Первой мировой войны по всей стране объявили сухой закон. На складе оборудовали госпиталь для раненых воинов. Правда, небольшая часть помещения почти что сохранила старый профиль – здесь производили спирт для армии и «учреждений народного здравия», спиртосодержащие лекарства, а также ограниченное количество алкоголя для иностранцев. На них сухой закон не распространялся. И когда после революции этот закон отменили, завод довольно быстро и легко возобновил производство крепких напитков.

Такие склады действовали почти в каждом большом городе. Взять, к примеру, владимирский. Его тоже построили в 1901 году. Поначалу думали реконструировать под водочные нужды усадьбу в самом центре, на Дворянской улице. Но общественность это решение не одобрило, и здание построили на городской окраине. Автор – владимирский губернский архитектор Петр Густавович Беген.

Здание вышло красивым – в древнерусском стиле, с двумя башнями. Под левой выпускали разные ликеры и настойки, а под правой – обыкновенную водку. Кроме того, здесь были оборудованы сараи, бондарни, ледник, котельная и даже угольный завод. Артезианский колодец в 230 метров глубиной. Жилой дом для сотрудников.

Условия – сказка. Рабочим платили большие зарплаты. Полагались и пенсии. В цехах – отопление и вентиляция. Больных принимал врач. За восемь копеек давали приличный обед – 400 граммов свежего ржаного хлеба, первое блюдо, мясо или рыба (заменились в пост грибами). Чай без ограничений.

Библиотека, газеты, журналы, настольные игры, «волшебный фонарь» (предтеча слайд-проектора). Свой театр и ансамбль балалаечников. Пианино.

Фирменным же напитком была сладкая вишневая наливка. Сырье для нее брали с собственного вишневого сада. Во Владимире вообще любили эту ягоду.

А вот в каких словах описывал калужский винный склад тамошний краевед Д. И. Малинин: «На правой стороне улицы высится громадное красное трехэтажное здание казенного винного склада. В нем работают 50 служащих лиц и 180 рабочих. Склад обслуживает большой район, охватывая, впрочем, не всю губернию, но в то же время отправляя часть вина и в соседние губернии. Производство склада в 1910 г. было 560 тыс. ведер».

Видно, что к водочному производству власти подошли с полной серьезностью.

Акцизное же производство и продажу водки почти полностью прекратили. Частные винокурни пришлось закрыть. В Суздале работал винокуренный завод Василия Сергеевича Жинкина. Его продукция распродавалась в том же здании, на первом этаже. После введения монополии жинкинский завод прекратил свое существование. И в этом доме, как будто в насмешку, обосновалось суздальское Общество трезвости, которое агитировало против пьянства с помощью лекций и так называемых «туманных картин» (их демонстрировали посредством уже упомянутого «волшебного фонаря»). А на месте водочного магазина стали продавать конфеты.

«Водку пьет как гусар»

Князь Григорий Потемкин пил тминную водку.

Водку любила и Анна Ахматова. Могла за вечер выпить граммов двести. Переводчица Софья Островская говорила о ней: «Водку пьет как гусар».

Многие употребляли водку «для здоровья». Была даже присказка: «Господи, не сочти за выпивку, а сочти за лекарство». Максим Горький писал в конце позапрошлого века: «Здоров я – совершенно. Ежедневно малыми количествами пью водку, и очень она мне помогает».

Своеобразным образом пил водку Достоевский. Откусывал немного черного хлеба, делал глоток водки и все вместе пережевывал. Уверял, что это – «самое здоровое употребление водки».

А Маяковский водку не любил. Он уверял, что ее пьют одни лишь чеховские чиновники.

Сам же Чехов любил выпить водки. Незадолго до смерти, когда водка ему сделалась не по здоровью, потчевал своих гостей:

– Послушайте, выпейте водки. Я, когда был молодой и здоровый, любил. Собираешь целое утро грибы, устанешь, едва домой дойдешь, а перед обедом выпьешь рюмки две или три. Чудесно!..

Но при этом пьянство Чехов осуждал. Говорил: «Русский человек большая свинья. Если спросить, почему он не ест мяса и рыбы, то он оправдывается отсутствием привоза, путей сообщения и т. п., а водка между тем есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно».

А будучи в Томске, Антон Павлович ворчал: «Не помню ни одного сибирского интеллигента, который, придя ко мне, не попросил бы водки».

Но для большинства способность много выпить была доблестью. Цирковой силач Фосс на арене, под светом софитов выпивал три литра водки и закусывал их целым поросенком. Шапито накрывало бурными аплодисментами.

Водка и артистизм

Артистично выпивали профессиональные актеры. Популярный комик Петр Волховской сначала наливал в рюмку водку, затем чокался вместе со всеми, опрокидывал в рот содержимое рюмки, крестился, бил себя ладонью по лбу и только после этого глотал.

Славился еще один актер, большой любитель водки – Иван Алексеевич Григоровский. Лет ему было очень много, точно никто не знал сколько. Но пил он при этом без меры. И всю свою жизнь.

В какой-то момент он почувствовал себя нехорошо – обнаружилось, как сам он говорил, «стеснение в груди». Ему составили протекцию к лучшему доктору Москвы – Григорию Захарьину. Тот осмотрел пациента и задал ему первый вопрос:

– Водку пьешь?

– Как же – пью!

– Изредка?

– Нет, каждый день...

– По рюмке? По две?..

– Иногда и стаканчиками. Кроме водки, зато ничего не пью! Вчера на трех именинах был. Рюмок тридцать, а может, и сорок.

– Что-о?.. – Со... со... сорок! А сегодня пил?

– Вот только глотнул половину, – ответил актер, продемонстрировав лежавшую в его кармане небольшую бутылочку – «жулика».

– Вон отсюда! Гоните его! – закричал разъяренный Захарьин.

Вслед только спросил:

– А давно ли пьешь? И сколько тебе лет?

– Пью лет с двадцати... На будущий год сто исполнится.

Никакого лечения Григоровскому не прописали. Оно на тот момент скорее требовалось самому Захарьину.

Своего рода легендой Ярославля был один из лицедеев тамошнего театра. Горчайший пьяница, он ежедневно обходил весь город, высматривая, где пирует щедрое купечества. Подходил к хозяину, от души с чем-нибудь поздравлял – разумеется, профессионально поставленным, сценическим голосом. Ему, ясное дело, выносили рюмку водки. Он ее опрокидывал и каждый раз произносил: «А вот за это – мерси».

Как-то раз на спектакле его по ошибке ударили по голове алебардой. Звук по залу пронесся тревожный и грозный. Театр замер, ожидая худшего. Но худшего не случилось – все-таки оружие было бутафорским. Разве что произошло кратковременное смещение в сознании пьяницы. Он потер назревающую шишку и произнес: «А вот за это – мерси».

Зал грохнул, что не удивительно. Ведь почти каждый зритель многократно слышал от него эту фразу, но только в других обстоятельствах.

Своего рода ритуал существовал у Юрия Олеши. Юрий Карлович писал: «Прихожу в Дом Герцена часа в четыре. Деньги у меня водятся. Авторские за пьесу. Подхожу к буфету. Мне нравятся стаканчики, именуемые лафитниками. Такая посудинка особенно аппетитно наполняется водкой. Два рубля стоит. На буфете закуска. Кильки, сардинки, мисочка с картофельным салатом, маринованные грибы. Выпиваю стаканчик. Крякаю, даже как-то рукой взмахиваю. Съедаю гриб величиной в избу. Волшебно зелен лук. Отхожу.

Сажусь к столу.

Заказываю эскалоп.

Собирается компания.

Мне стаканчика достаточно. Я взбодрен».

Закуска градус крадет

Закуска – отдельная тема. Император Николай II закусывал водку ломтиком лимона, посыпанного молотым кофе и сахарным песком. Эту закуску так и называли – «николашка». Разумеется, в народе, а не при дворе.

А, может быть, и при дворе.

Владимир Гиляровский вспоминал, как он опохмелял художника Саврасова: «С трудом, дрожащей рукой он поднял стаканчик и как-то медленно втянул в себя его содержимое. А я ему приготовил на ломтике хлеба кусок тертой с сыром селедки в укусе и с зеленым луком. И прямо в рот сунул:

– Закусывай – трезвиловка!

Он съел и повеселел».

Профессор же Преображенский из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова уверял, что закусывать водку нужно исключительно горячими закусками.

«Сам он с этими словами подцепил на лапчатую серебряную вилку что-то похожее на маленький темный хлебик...

Глаза Филиппа Филипповича засветились.

– Это плохо? – жуя спрашивал Филипп Филиппович. – Плохо? Вы ответьте, уважаемый доктор.

– Это бесподобно, – искренно ответил тятнутый».

Закуска – огромное поле для творчества.

Впрочем, есть и другая народная мудрость: «Закуска градус крадет».

Смирнов и Шустов

Существовало несколько известных на всю страну водочных брендов, которые не уничтожило даже введение монополии. Самым мощным был «Смирнов». «Смирновка» славилась на всю Россию и даже за ее пределами.

«Товарищество водочного завода, складов вина, спирта и русских и иностранных виноградных вин П. А. Смирнова в Москве» – поставщик Двора Его Императорского Величества («Большого Двора»), поставщик Двора Великого князя Сергея Александровича («Малого Двора»), поставщик Двора короля Швеции.

Один из современников писал о возвышении смирновской фирмы: «1886 год. Нижегородскую ярмарку посетил царь Александр III... Молодой Владимир Смирнов поднес царю лафитник, тот сделал глоток и в задумчивости потрепал паренька по плечу. Потом опрокинул лафитник и прищелкнул пальцами. Вздох облегчения качнулся в воздухе. Это означало, что с сей минуты Петр Смирнов и сыновья становились поставщиками водки на императорский двор».

Легенда? Может быть. Но поставщиками точно были.

А также – что не менее почетно – и поставщиками московского Тестовского трактира. Владимир Гиляровский так описывал обед у Тестова: «Начали попервоначалу „под селедочку“... Потом под икру ачуевскую, потом под зернистую с крошечным расстегаем из налильных печенок, по рюмке сперва белой холодной смирновки со льдом, а потом ее же, подкрашенной пикончиком».

«Пикончик», то есть, пикон – классический алжирский биттер, он же «Африканская горечь», близкий родственник венесуэльской ангостуры. Его делают из апельсиновых корок и коры хинного дерева. До революции он был в России очень популярным.

– Припустить в водку пиконцу, – говорили любители этого жанра.

«Смирнов» присутствовал практически везде. Иногда это шло и во вред репутации бренда. В частности, после ходынской трагедии 1896 года, много говорили о том, что народ там угощали именно смирновской водкой. Хотя, ясное дело, Смирновы хотели как лучше.

Разумеется, эту продукцию постоянно подделывали. На Дальний Восток «Лжесмирнов» вообще поступал из Японии. «Новое время» писало: «Выделяется наша „смирновка“ на специальных японских заводах в Иокогаме и Нагасаки. Есть сорт весьма хорошей выделки (60 к. бутылка), есть поплоче (50 к.), есть и совсем плохая. Этикетка подделана в совершенстве; отличить подделку можно только по двум опискам литографа. На поддельной этикетке значится „в Одесса“ и „у Чуиунного моста“... Затем все остальное сделано „по надлежащему образцу“ с российскими орлами и заголовком „Высочайше утвержденное Товарищество Смирнова“».

Существовал еще Шустов, но он был известен скорее своим коньяком. Впрочем, и у водки Шустова имелись свои ценители.

В одном из театров случилась такая история. Некий нетрезвый господин весь спектакль мешал окружающим – клал ноги на соседний стул, громко что-то бубнил – а когда дали занавес вдруг закричал:

– Шустова! Шустова!

Распорядитель подошел, стал объяснять, что в пьесе нет актера Шустова и вызывать его бессмысленно.

– Водки Шустова прошу, – ответил театрал. И продолжил: – Шустова, Шустова!

Только тогда его сдали полиции.

Кстати, не исключено, что это была «подсадная утка». Основатель фирмы Николай Леонтьевич Шустов и его сын Николай Николаевич вообще практиковали агрессивный марке-

тинг. Нанимали студентов, чтобы те ходили по трактирам и требовали «лучшей в мире водки Шустова». А если ее не оказывалось, студенты устраивали скандал. Разумеется, их отвозили в полицию. Оттуда сотрудники Шустова сразу же их выкупали. А владелец трактира заказывал несколько бутылок шустовской водки. На всякий случай.

Ради водки готовы на все

На какие только хитрости люди не шли, чтобы добыть стаканчик вожаделенной водки. Путеводитель по Кронштадту сообщал: «На противоположной стороне нынешней Флотской улицы помещались заведения „Распивочно и на вынос“, и матросы умудрялись на веревочках спускать из казарм на улицу бутылку (пустую, конечно) и стоимость водки, а из заведений выходили или хозяин, или приказчик, брали посуду, деньги и ее же привязывали наполненную влагой живой; посуда быстро поднималась и исчезала в казарме».

«Приднепровский край» писал в 1913 году: «На днях, вечером, явилась в гостиницу Стрегулина, в Каменском, неизвестная женщина и потребовала водки с собой. Требуемое было подано и неизвестная, конечно, уплатила деньги, подобрала водку и собралась было уходить, как в это время вбегает девочка и, обращаясь к неизвестной, сказала, что водка не нужна, так как папа уже купил. Женщина предложила водку обратно, прося вернуть ей деньги. Деньги были возвращены, а взамен была возвращена водка, причем печать на посуде оказалась надтреснутой, а вместо водки – вода. Женщина была задержана и обыскана, при обыске у нее оказалась настоящая водка. Неизвестная оказалась некоей Еленой Кривокобыльской. Установлено, что Кривокобыльская не раз проделывала подобное в разных трактирах».

Эта заметка называлась: «Водки захотела». К сожалению, больше всего хотелось водки как раз тем, у кого не было возможности приобрести ее законным образом.

А еще в провинции и в сельской местности существовало развлечение – спаивать козлов. Самых настоящих, мекающих и с рогами. Эти несчастные животные, привыкнув к водке, обходили все ближайшие трактиры и нагло требовали выпивку. Могли и боднуть, если что.

Это считалось невероятно смешным.

Сухой закон

В начале Первой мировой войны в России ввели сухой закон. Пивные заводы перешли на безалкогольную шипучку, водочные большей частью закрылись вообще. Водку и спирт, однако, продавали и даже отпускали в ресторанах. Правда, подавали ее в чайниках, под видом кипятка. Графины ушли в прошлое.

Впрочем, такая конспирация была прекрасно отработана гораздо раньше – в тех заведениях, где водкой торговать не разрешалось. Какие только драмы не разыгрывались вокруг этих чайников! Газета «Московские ведомости» в 1901 году сообщала: «18 апреля, в чайной лавке крестьянина Катаева, в доме Копытина на Садовой у Земляного вала, вошедший местный городской Зайцев застал пившего водку посетителя, перед которым на столе стояла поданная в тарелке закуска и чайник с водкой. В присутствии свидетелей городской хотел отобрать водку, как доказательство, но содержатель лавки Катаев вступил с ним в борьбу и начал вырвать из рук как чайник с водкой, так и тарелку с закуской, причем тарелка разбилась, и осколками городскому порезало пальцы. За тайную продажу водки, за которую по заявлению посетителя, заплачено было 38 коп., Катаев привлечен к ответственности».

Образовалась и подпольная профессия – так называемые шатуны. Обычно это были спившиеся обыватели, которые ходили по таким заведениям и тайно предлагали водку посетителям – наподобие нынешних торговцев цветами.

И, разумеется, процветало шинкарство, то есть, производство и продажа самодельной водки. С этого промысла, к примеру, жили подмосковные Раздоры – деревня в Звенигородском уезде. Нельзя сказать, чтобы раздоровские шинкари слишком демпинговали – стоимость продукции у них подчас бывала даже выше, чем в казенных лавках, когда те еще имели право торговать спиртным. Но, во-первых, здешние предприниматели продавали зелье круглосуточно, а во-вторых, брали в качестве платы не только деньги, но и одежду, обувь, всякое домашнее имущество. Это вполне устраивало окрестных любителей веселящих напитков, но здорово мешало членам их семей. Доносили же на шинкарей довольно редко – опасались мести этих нелегалов.

При новой власти

Сухой закон продлился при советской власти. Только в конце 1924 года, после десятилетнего перерыва, наконец, возобновили ее полномасштабный выпуск. Михаил Булгаков записал: «В Москве событие – выпустили тридцатиградусную водку, которую публика с полным основанием назвала „рыковкой“. Отличается она от царской водки тем, что на 10 градусов слабее, хуже на вкус и в четыре раза дороже».

Кличку ей дали, как нетрудно догадаться, в честь председателя Совнаркома СССР Алексея Рыкова. Официальное название было, естественно, другое – «Русская горькая».

Сам же Булгаков «рыковку» не пил. Предпочитал либо самодельную водку, приготовленную из медицинского спирта, либо домашнюю самогонку хорошего качества. Если была возможность, добавлял в нее рижский бальзам. Этот бальзам он называл пиконом.

Впрочем, Булгаков никогда не напивался допьяна. А в его квартире висел плакат: «Водка яд – сберкасса друг».

В те времена подобные плакаты – желтые, с перечеркнутой бутылкой водки – были расклеены по всей стране.

Непростая история «Столичной» водки

В 1937 году в СССР вводятся стандарты на алкоголь. За основу берутся рецепты бывшего «Московского казенного винного склада №1» будущего завода «Кристалл», а в то время просто Московского ликеро-водочного завода.

В 1938 году регистрируется рецептура «Столичной» водки. Первая бутылка этого напитка была выпущена в блокадном Ленинграде, в 1941 году. А в 1953 году на Московском ликеро-водочном заводе создается легендарный бренд – водка «Столичная». Именно отсюда водка «Stoli» разошлась по всей Земле в качестве эталона настоящей русской водки.

На этикетке же мы видим схематическое изображение гостиницы «Москва». Точное авторство рисунка неизвестно. По одним документам, это Андрей Иогансон, а по другим – Владимир Яковлев. Есть любопытная легенда, в соответствии с которой Андрей Борисович сделал свой эскиз за несколько минут, сидя за столиком кафе гостиницы «Националь» и ожидая, когда принесут заказ. Из окна был виден угол гостиницы «Москва». Его-то он и срисовал для этикетки.

А в середине же 1950-х годов в стране начали открываться первые рюмочные. При этом вместе с каждой рюмкой водки посетитель был обязан купить закуску – бутерброд.

Как лечили бегемота

В 1945 году с помощью водки в зоопарке города Калининграда (а в то время еще Кенигсберга) зоотехник Владимир Полонский вылечил бегемота по кличке Ганс. Он имел семь ранений, отказывался есть и пить и явно готовился к путешествию на бегемотскую радугу.

Полонский писал: «Принял лечение к бегемоту с 14 апреля 1945 г. Впервые оказал помощь водой. В последующем попытался дать ему молока. В следующий раз молотой свеклы. Бегемот принялся кушать, но через 3 дня отказался. Я поспешил дать бегемоту водки. Дал 4 литра. После чего бегемот стал сильно просить кушать.

Я сперва ему поставил клизму (4 ведра дистиллированной воды), после чего стал кормить его. Бегемот попытался выходить, но так как был пьян, он обронил себя. Боковое ранение (25 x 24 см), глубина – 4 см, другая рана (6 x 7 см). Бегемот стал кушать, но не оправляется. Я поставил 2-й раз клизму (4 ведра дистиллированной воды). Бегемот стал оправляться. Прошло 2 недели, бегемот кушает слабо. Я решил дать водки, 4 литра. Бегемот стал кушать хорошо. Но обратно получился запор. Я поставил еще клизму (4 ведра дистиллированной воды), бегемот оправляется, но плохо кушает. Я решил дать водки (4 литра), и бегемот отлично стал кушать. Встречались безаппетитные дни, я устранял их переменной пищи».

И в результате водка помогла: «Пройдя 1 месяц и 19 дней, я добился полного здоровья и сейчас занимаюсь дрессировкой бегемота как катание верхом на бегемоте по парку и т. д.».

Что такое бутылка

Среди ценителей славилась кашинская водка, сделанная в Тверской области, в городе Кашине, на ликеро-водочном заводе «Вереск» (до революции – Кашинский казенный винный склад №3). К летней олимпиаде 1980 года там специально разработали новую настойку на девяти травах – сорокаградусную «Тверскую горькую». Мята, зверобой, имбирь, калган и прочее.

В том же 1980 году вышел роман Владимира Орлова «Альтист Данилов». Ему сопутствовал успех, и автор, видимо, тогда уже задумался о продолжении. Возможно, не случайно действие второго романа демонического цикла – «Аптекарь» – начинается с того, что завсегда-таки останкинского пивного автомата покупают вскладчину бутылку именно кашинской водки. А в ней, подобно Хоттабычу, обнаруживается молодая и красивая берегиня, Любовь Николаевна Кашинцева. И она принимается своих новых хозяев всячески оберегать.

Кстати, Брежнев любил лимонную водку. И, соответственно, ее в то время выпускал каждый ликеро-водочный завод.

Сохранялась традиция использовать водку в качестве денежного эквивалента. Сохранилась и даже усилилась – ведь водку купить теперь стало непросто. В винных отделах стояли огромные очереди. К тому же водка не всегда была в продаже.

«Бутылкой» было принято расплачиваться с водопроводчиками, грузчиками и другим рабочим людом из сферы услуг.

К тому времени слово «бутылка» сделалась фактически синонимом слова «водка» (вспомним дореволюционную «водочную бутылку»). То есть если кто-нибудь говорил «купи бутылку» и не уточнял, бутылку чего именно, то было ясно, что имеется в виду именно водка, а не простокваша или квас.

Многие покупали водку у таксистов – с двойной или тройной наценкой. Доходило до абсурда. Можно было полчаса стоять с протянутой рукой, и все таксисты, проезжающие мимо, притормаживали, кричали сквозь окошко: «Водки нет!» и уезжали, даже не спросив, а что, собственно, было нужно человеку – выпить или все таки ехать.

История граненого стакана

Еще один вид посуды ассоциируется с водкой. И это даже не рюмка, а граненый стакан. С водкой и с поездом дальнего следования. Несешься этак в поезде, а перед тобой на крохотной полочке (которую совершенно незаслуженно называют столиком) трясется граненый стакан в подстаканнике.

Нет ничего более нелепого, чем граненый стакан, вставленный в подстаканник. Для этого существуют обычные, ровные стаканы, безо всяких там граней, которые в подстаканнике не трясутся. Но, тем не менее, вставляют туда именно граненые.

Изобретение этой нехитрой посуды часто приписывают скульптору Вере Мухиной, автору известной композиции «Рабочий и колхозница». Но ее роль сводилась лишь к тому, что именитая ваятельница нарисовала стакан в обновленном дизайне – с ровным кольцом наверху. Раньше грани продолжались снизу доверху.

Впрочем, и это – всего лишь легенда. Точно известно только то, что Вера Игнатьевна участвовала в проектировании новой посуды для советского общепита. Но она или же кто другой изобразил своей недогнувшей рукой чертежника стакан нового поколения – большой вопрос.

Первый граненый стакан появился в России в XVII веке. Первый известный истории производитель граненых стаканов – стекольных дел мастер Ефим Смолин. Якобы он поднес царю Петру вина в своем стакане и пояснил, что его – именно из-за граней – невозможно разбить. Петр выпил вино и со словами «Стаканы – бить!» со всей силы швырнул стакан на пол. Тот, разумеется, раскололся на мелкие стеклышки.

Но Петр не стал наказывать бедного стеклоара. А, наоборот, чуть ли не наградил его. И якобы после этого случая появилась традиция – бить стаканы «на счастье».

Есть, Впрочем, еще одна версия. Якобы (вот снова «якобы») Петр сказал не «стаканы – бить», а «стакану – быть». И тем самым как бы дал граненому стакану путевку в жизнь.

Даже не верится, что столько мифов и легенд вместились в эту простенькую и дешевую стекляшку.

А к концу XVIII века граненый стакан и вовсе сделался стандартной мерой. Павел I определял ежедневную дозу вина для солдат в количестве одного граненого стакана.

И снова легенда. С 1924 по 1937 годы граненые стаканы выпускали на стеклозаводе имени Бухарина. Якобы именно поэтому возникло всем известное слово «бухать». Но в 1937 году Бухарина арестовали, а завод переименовали. Именно тогда и стали разрабатывать принципиально новый, социалистический граненый стакан.

А вот еще одна легенда. Якобы (ну куда не денешься от этих «якобы», водочный мир мифологичен донельзя) поначалу у стакана было ровно 16 граней, по числу союзных республик. А верхнее кольцо символизировало их единство. Но когда в 1956 году Карело-Финскую республику преобразовали в Карельскую автономную республику в составе РСФСР, их стали делать и с 12, и с 14, и с 18 гранями.

Делали и с 17, но редко – это требовало усложнения технологии.

Со временем граненый стакан начал выполнять множество самых разных функций. С помощью него формировали круглые кусочки теста для пельменей. Он стал мерой продуктов, сыпучих и жидких. На подоконниках в нем колосилась рассада для дачных участков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.